

По поводу статьи „Рабъ Иеговы (Исаи 40—66)“ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за Июль—Августъ 1905 г.

Въ только что полученной нами книжкѣ „Богосл. Вѣстн.“ за июль—августъ мы не могли не заинтересоваться статьею профессора Моск. Дух. Академіи по св. Писанію Ветхаго завѣта В. Н. Мышцына подъ заглавіемъ: „Рабъ Иеговы (Исаи 40—66)“. Въ этой статьѣ авторъ старается доказать, что при изображеніи Раба Господня Мессіи, Икупителя міра, пророкъ пользовался чертами изъ жизни плѣннаго Израиля, „и пользовался ими настолько, что трудно сказать, гдѣ кончается у него исторія, и гдѣ начинается пророчество“ (стр. 435). Противъ этого въ извѣстномъ смыслѣ ничего нельзя возразить, и мы утверждаемъ приблизительно тоже самое въ своей книгѣ: „Единство книги пр. Исаи“ (см. напр. стр. 34, 276 и дал.). Но обращаетъ на себя вниманіе стремленіе автора показать „генезисъ“ (происхожденіе) пророчества о Рабѣ Господа. „Какъ явилось оно въ сознаніи пророка: узрѣлъ ли онъ образъ Раба Божія въ далекой перспективѣ будущаго, такъ сказать, въ области неба, скрывавшаго тайны грядущаго, или осѣненный Духомъ Святымъ онъ усматривалъ блѣдное и слабое отраженіе этого образа на землѣ въ страдальческой жизни своего народа“ (426)?

Мы въ своей книгѣ разъясняли, что происхожденіе пророчествъ по взгляду самихъ священннхъ писателей не можетъ быть названо естественнымъ, потому что „никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой“ (2 Петр. 1, 21); однако пророкъ въ созерцаніи отдаленнаго будущаго исходилъ нерѣдко изъ событій своего времени, бывшихъ прообразами будущаго (см. 1—6 стр.). Подобной

точки зрѣнія на „генезисъ“ пророчествъ держится, повидимому, и авторъ статьи „Раба Іеговы“, судя по вышеприведеннымъ словамъ его статьи. Но авторъ ставитъ въ тоже время странный вопросъ: „въ области ли неба“, или „въ страдальческой жизни плѣннаго народа“ кроется источникъ пророческихъ созерцаній писателя Исаи 40—66 гл.? Подобная дилемма неумѣстна при вышеизложенномъ и, повидимому, самимъ авторомъ раздѣляемомъ взглядѣ на происхожденіе пророчествъ: пророчество явилось по вдохновенію съ неба, но слабое отраженіе грядущаго пророкъ видѣлъ и на землѣ; слѣдовательно, *дилеммы* „или съ неба, или на землѣ“ не можетъ быть, она умѣстна лишь при рационалистическомъ воззрѣніи на происхожденіе пророчествъ.—Замѣчательно при этомъ то, что авторъ называетъ писателя Исаи 40—66 г. вообще пророкомъ, и нигдѣ не называетъ Исаіею. Объясненіе этого обыкновенно заключается въ рационалистическомъ воззрѣніи на происхожденіе отдѣла Исаи 40—66 не отъ пророка Исаи, а отъ какого-либо другого, жившаго около времени плѣна вавилонскаго: незадолго до него, во время его, спустя нѣсколько времени послѣ него. Отсюда понятно и стремленіе экзегетовъ рационалистическаго направленія всѣ черты для изображенія „Раба Іеговы“ отыскать именно въ событіяхъ, случившихся по освобожденіи Израиля отъ плѣна Вавилонскаго. „Плѣнь Вавилонскій, похоронившій было всѣ чаянія богоизбраннаго народа, *кончилась*“, такъ начинается авторъ изложеніе обстоятельствъ, послужившихъ исходной точкой для пророческаго изображенія „Раба Іеговы“ ¹⁾.—Что плѣнь вавилонскій послужилъ исходной точкой для подобнаго изображенія, этого отрицать нельзя, и съ сдѣланнымъ авторомъ изъясненіемъ пророчествъ отдѣла Исаи 40—66 гл. въ приложеніи къ освобожденному изъ плѣна Израилю во многомъ можно согласиться. Но дѣло въ томъ, что самый плѣнь писателемъ Исаи 40—66 гл. еще только *предсказывается* и принадлежитъ

¹⁾ Мы не утверждаемъ ничего относительно воззрѣній автора и хотимъ только показать, что его статья можетъ смутить читателей, доколѣ бывшихъ убѣжденными, что отдѣлъ 40—66 гл. принадлежитъ самому пророку Исаи; намъ хотѣлось бы предотвратить подобное смущеніе, достигнуть чего старались мы и въ своемъ изслѣдованіи: „Единство книги пророка Исаи.“

Исаи, жившему задолго до плѣна, а не какому то неизвѣстному пророку, пережившему самое освобожденіе изъ плѣна. Доказать это въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности и желающаго познакомиться съ нашими доказательствами въ пользу принадлежности отдѣла Исаи 40—66 гл. самому пр. Исаи мы можемъ въ настоящую минуту отослать лишь къ нашей книгѣ „Единство книги пр. Исаи“. Конечно, и пророка, жившаго послѣ плѣна, за отдѣлъ Исаи 40—66 гл. можно назвать „ветхозавѣтнымъ евангелистомъ“, стоявшимъ какъ бы на Голгоѣ (см. 426, 435 стр. статьи), но если и плѣнъ вавилонскій пророкъ не предсказываетъ, а говорить о немъ, какъ о событіи прошедшемъ, не употребляетъ лишь *perfectum propheticum* („прошедшее пророческое“), если *всѣ* черты для изображенія Искупителя Христа пророкъ цѣликомъ заимствовалъ изъ обстоятельствъ жизни Израиля, то рационалистическое воззрѣніе готово уже, хотя всетаки совершенно преждевременно, заявить о совершенно „естественномъ генезисѣ“ пророчествъ. Оно готово совершенно закрыть глаза на то, что начертаніе духовнаго лика Христова все же остается совершенно чудеснымъ, совершенно необъяснимымъ изъ характера жизни „естественнаго“ Израиля, руководимой началами безусловно иными, чѣмъ христіанскія: „аще бо быша разумѣли (Христа и понимали, съ любовію влеклись ко Христу, носившему ликъ „Раба Господня“), не быша Господа славы распяли“ (1 Кор. 2, 8). Развѣ не подтверждаетъ этого и исторія современнаго „естественнаго“ Израиля, жизнь котораго совершенно не подготовлена къ воспріятію истиннаго образа „Раба Господня“?

Переходя теперь къ доказательствамъ автора въ пользу того, что всѣ пророчества о Рабѣ Господа, не исключая и признаваемыхъ большинствомъ толковниковъ Мессіанскими (42, 1—7; 49, 1—10; 50, 4—10; 53 гл.), относятся прежде всего къ Израилю (заимствованы не „изъ области неба“), мы видимъ, что сущность этихъ доказательствъ сводится къ различію между Израилемъ *идеальнымъ* и Израилемъ во всей его массѣ; первый-то, по мнѣнію автора, и называется „Рабомъ Іеговы“, Израиль же вообще называется „рабомъ Іеговы“ только ради „идеальнаго Израиля“. Но гдѣ основаніе въ книгѣ самого пророка для подобнаго различенія между Израилемъ вообще и Израилемъ идеальнымъ, страдающимъ

за перваго невинно? Авторъ указываетъ на нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ дѣйствительно говорится о праведникахъ, рабахъ Иеговы (51, 7; 65, 11—16); эти-то праведники или рабы Господа будто бы у пророка и называются иногда собирательнымъ именемъ „Рабы Иеговы“. Насколько неосновательно подобное искусственное различеніе идеальнаго Израиля отъ Израиля вообще, равно какъ отнесеніе *всѣхъ* мѣстъ книги пр. Исаи прежде всего къ идеальному Израилю или „рабамъ Господа“ и только уже въ дальнѣйшемъ смыслѣ (прообразовательномъ) къ „Рабу Господню—Мессіи, это мы старались выяснитъ на стран. 277—286 своей книги: „Единство книги пр. Исаи“.

Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ приведенныхъ тамъ соображеній.

Прежде всего въ книгѣ пр. Исаи неоднократно Господь указываетъ Израилю чрезъ пророка, что только „ради Себя“, а не ради правды Израиля Господь спасаетъ послѣдняго (напр. 45, 25; 48, 11). Затѣмъ „Рабы Господа“ представляется страдающимъ „ради всѣхъ насъ“ (Исаи 53, 6), причемъ въ понятіи „мы“ включаются сами благовѣстники или пророки, проповѣдь которыхъ не встрѣтила вѣры въ народѣ и даже ввела его въ соблазнъ: „Господи! кто повѣрилъ слышанному отъ насъ (о Рабѣ Господа), и кому открылась мышца Господня“ (Исаи 53, 1). „Совратились мы, говоритъ пророкъ, *каждый* на свою дорогу, и Господь возложилъ на Него (Раба Господа) грѣхи *всѣхъ насъ*“ (ст. 6). Затѣмъ какъ приложить ко многимъ праведникамъ такія конкретныя черты, которыя было бы прямо искусственной натяжкой относить не къ отдѣльной личности, а ко *многимъ* праведникамъ: „какъ многіе изумлялись, смотря на Тебя,—столько былъ обезображенъ паче всякаго человѣка видъ Его, и ликъ Его паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ“ (Исаи 52, 14); „мужъ скорбей, извѣдавшій болѣзни“ (53, 3); „Я предаль хребетъ Мой біющимъ и ланиты Мои поражающимъ, лица Моего не закрываль отъ поруганій и оплеванія“ (50, 6); „Я, Господь, призваль Тебя (Раба Господня) въ правду..., чтобы открытъ глаза слѣпыхъ, чтобы узниковъ вывести изъ заключенія и сидящихъ во тьмѣ—изъ темницы“ (Исаи 42, 6—7)? Едва ли, не насилуя текста, можно идеальному Израилю приписывать изведеніе Израиля изъ плѣна, тогда какъ, понимая

означенное мѣсто прямо въ приложеніи къ Мессіи (равно какъ и парал. Исаи 61, 1 и дал.), мы избѣгаемъ всякаго насилія тексту. Или еще какъ приложить ко всему „идеальному“ Израилю такую конкретную черту: „Ему назначили гробъ съ злодѣями, но Онъ погребенъ у богатаго“ (Исаи 53, 9)? Могъ ли говорить пророкъ о совершенной безгрѣшности „идеальнаго“ Израиля, которую приписываетъ онъ „Рабу Господа“? (Ис. 53, 9); могъ ли приписывать смерти праведниковъ значеніе искупительное (Исаи 53, 10—12; 4—6), а не значеніе лишь личнаго успокоенія, какъ это пророкъ дѣлаетъ, напр. въ 57, 1—2; 65, 13 и дал.? Въ 49 главѣ можно видѣть указаніе на отличіе „Раба Господня“ не только отъ Израиля вообще, но и отъ идеальнаго Израиля или праведниковъ, „остатка“, „святаго сѣмени“ Израиля (см. статью автора 429 стр.): „мало того, что Ты будешь Рабомъ Моимъ для возстановленія колѣнъ Іаковлевыхъ, и для возвращенія остатковъ Израиля, но Я сдѣлалъ Тебя свѣтомъ народовъ“ (Исаи 49, 6). Не видимъ ли мы подобнаго отличія праведниковъ, „боящихся Господа“ отъ „Раба Господня“ и въ слѣдующихъ словахъ: „кто изъ васъ боится Господа, слушается гласа Раба Его?“ Эти „боящіеся Господа“, которые въ 51, 1—7 называются „стремящимися къ правдѣ“, „знающими правду, народомъ, у котораго въ сердцѣ законъ Господа“ (1 ст. 7 ст.), очевидно, не одно и тоже съ „Рабомъ Господа“, вопреки мнѣнію автора статьи. Слѣдовательно, есть мѣста въ книгѣ пр. Исаи, которыя не могутъ относиться даже къ идеальному Израилю, пережившему плѣнъ, но прямо относятся къ Мессіи. Не приводимъ другихъ соображеній въ пользу этого положенія, изложенныхъ въ нашей книгѣ: „Единство книги пр. Исаи“.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, что пророкъ не только переноситъ на „Раба Господня, тѣ черты, которыя онъ могъ непосредственно заимствовать изъ обстоятельствъ жизни всего Израиля по окончаніи плѣна или въ частности изъ жизни „идеальнаго“ Израиля, что, слѣдовательно, пророчества Исаи о Мессіи не только этотъ слабый образъ имѣютъ своимъ источникомъ, но и прямо вдохновеніе изъ „области неба, скрывавшаго тайны грядущаго“ (стр. 426 въ статьѣ). Но мы должны подвергнуть обсужденію основную точку зрѣнія автора и съ нѣкоторыхъ другихъ сторонъ. Стараясь исход-

ный пунктъ для всѣхъ пророчествъ Исаи 40—66 гл. найти въ страданіяхъ праведниковъ въ плѣну вавилонскомъ, авторъ не исчерпываетъ всей глубины искупительнаго подвига „Раба Господня“. Сущность „труда“ или „подвига“ страданій Раба Господня (Исаи 49, 4; 53, 11), авторъ видитъ (кромѣ тяготы самого пребыванія въ плѣну) въ томъ, что подвергались сомнѣнію и осмѣянію самыя обѣтованія Божіи Израилю,—въ тяжеломъ сознаніи того, что Богъ отвергъ Свой народъ (см. стр. 434). Но, вѣдь, страданія Раба Господня, составляющія искупительный подвигъ Его, на самомъ дѣлѣ гораздо глубже; Онъ, совершенно безгрѣшный, страдаетъ за оставленіе всѣми людьми правды, за приобрѣтеніе ими праведности, не внѣшней только, но и коренящейся въ самомъ сердцѣ, въ самой глубинѣ духа. Черты этой праведности составляютъ: совершеннѣйшее послушаніе, кротость и терпѣніе, проистекающія, очевидно, не изъ страха, а изъ совершенной любви къ Богу (см. напр. Исаи 53, 7; 50, 4), совершеннѣйшая любовь къ людямъ, побуждающая снисходить къ ихъ немощамъ, не угашать малой искры добра въ людяхъ, ослѣпившихъ себя духовно (42, 1—7, 19), наставлять не знающихъ истины и заблуждающихся, подкрѣплять изнемогающихъ (50, 4; 54, 13). Эта любовь столь велика, что первообразъ свой имѣетъ въ любви самого Господа (49, 15—16). Если принять еще во вниманіе вышеперечисленные слишкомъ конкретныя черты подвига страждущаго Раба Господня, то будетъ ясно, что одного плѣна вавилонскаго весьма мало, чтобы начертать этотъ новозавѣтный образъ Христа, необходимо вдохновеніе изъ области неба“. Слишкомъ въ жизни Израиля незначительны элементы для созданія путемъ естественнаго творчества такого величественнаго образа!

Односторонне съуживая „историческій фонъ“, на которомъ начертанъ образъ Раба Господня, событіями, бывшими послѣ плѣна вавилонскаго, авторъ, съ другой стороны, не расширяетъ его тѣми событіями и элементами, которые дѣйствительно могли для пророка Исаи послужить фономъ для изображенія Раба Господня. Въ своей книгѣ мы указывали, что нѣкоторыя черты въ образѣ Раба Господня становятся понятнѣе, если имѣть въ виду нашествіе на іудею Ассирійскаго царя Сеннахерима. Тамъ мы говорили, что „Рабъ

Господа“, Который „не возопіетъ, ни возвыситъ голоса Своего“ (42, 2), не „дастъ услышать его на улицахъ“, составляетъ противоположность царю ассирійскому, который на Самого Господа „возвысилъ голосъ свой“ (37, 23), послалъ вельможъ своихъ, „кричавшихъ на улицахъ“ („вотъ, сильные ихъ кричать на улицахъ“—37, 7). Рабъ Господа „трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не угаситъ“ въ противоположность царю ассирійскому, отъ котораго (Исаи 37, 27) „жители сдѣлались мало-мощны, *трепетали и оставались въ стыдѣ* (см. относительно Раба Господа противоположное въ Исаи 50, 7, 10); они стали, какъ трава въ полѣ и *квѣжная зелень*, какъ *опаленный хлѣбъ*, прежде нежели онъ выколосился“. (Образъ „трости преломленной“ см. въ 36, 6). Подробнѣе смотр. нашу книгу (стр. 236—245). Не ясно ли отсюда, что „генезисъ пророчества“ сдѣланъ авторомъ односторонне? Не „идеальный“ Израиль послѣдняго времени вдохновилъ пророка къ начертанію великаго образа Раба Господня, а умъ пророка Исаи, жившаго задолго до плѣна, воспринялъ этотъ образъ *свыше*, видя лишь слабое подобіе его въ событіяхъ своего времени и углубляясь въ пророческое созерцаніе *отдѣленнаго* вавилонскаго плѣна? Какая оторванность отъ исторической почвы и, такъ сказать, немотивированность чувствуется въ изложеніи авторомъ пророчества Исаи 42, 1—7: „Онъ возвѣститъ народамъ правду. Его проповѣдь будетъ *скромна, спокойна, тиха*. Ея сила *не въ громкихъ словахъ*, не въ возвышенныхъ рѣчахъ *безъ разбора мѣста и времени* (связано ли *органически* все это съ плѣномъ Вавилонскимъ?), но въ обаяніи ее внутренняго содержанія. Не насиліе и смерть возвѣститъ Онъ, но жизнь, снисхождение, милосердіе. Онъ и самое малое проявленіе жизни, самую ничтожную искру добра *воспламенитъ и усилитъ*. Судъ Его будетъ судомъ истиннымъ и до тѣхъ поръ не ослабѣетъ (не чувствуется внутренней связи) и не прекратитъ проповѣди, пока не утвердитъ правды, и пока законъ Его не признаютъ всѣ острова“ (стр. 431)!

Итакъ, потому еще односторонне стремленіе автора найти первоисточникъ для образа „Раба Господня“ въ страданіяхъ послѣплѣннаго Израиля, что авторъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ органическую связь отдѣла Исаи 40—66 и Исаи 1—39 гл. Будучи изъять изъ этой органической связи съ

Исаи 1—39 глав., отдѣлъ Исаи 40—66 гл. не можетъ быть исполнѣнъ правильно понять.

Особенно важно имѣть въ виду то обстоятельство, что несомнѣнно „Рабъ Іеговы“ одно и тоже съ „Эммануиломъ“ (Исаи 1—39 гл.); историческій фонъ для начертанія того и другого образа одинъ. Это мы подробно доказывали въ своей книгѣ (см. стр. 287—302) и повторять здѣсь было бы излишне. Тождественность Раба Господня съ Эммануиломъ, *опредѣленною Личностью*, сама собою полагаетъ предѣлъ стремленію найти всѣ черты Раба Господня въ обстоятельствахъ плѣна вавилонскаго и побуждаетъ не столько искать въ пророчествѣ о Рабѣ Господа историческихъ обстоятельствъ (предсказываемаго) плѣна вавилонскаго, сколько направлять мысль свою непосредственно къ Мессіи, хотя бы слабый образъ для изображенія Его Лица давали отчасти обстоятельства плѣна. Источникомъ для этого изображенія служило общее *вѣствѣ* пророкамъ (слѣд. и жившимъ до плѣна) сверхъестественное откровеніе о Мессіи, *опредѣленной Личности*, которое постепенно раскрывалось въ сознаніи пророковъ хотя въ связи съ событіями современными пророкамъ, но въ тоже время при содѣйствіи св. Духа, возвышавшаго умъ пророковъ надъ предѣлами естественнаго разумѣнія или предвѣдѣнія грядущихъ событій.

Взаимное отношеніе пророчествъ, сравненіе пророчествъ предъидущихъ съ послѣдующими показываетъ нерѣдко, что пророчества о Мессіи болѣе раннихъ пророковъ становились болѣе ясными у послѣдующихъ. И пророчества Исаи уяснялись послѣдующими пророками. Изъ сравненія пророчествъ Исаи съ пророчествами пророковъ предъидущихъ и послѣдующихъ ясно, что пророкъ Исаія при начертаніи образа Раба Господня, не останавливался на Израилѣ, хотя бы идеальномъ, но прямо и непосредственно, или по преимуществу многое говорилъ о Мессіи, какъ опредѣленной, еще ранѣе Его извѣстной пророкамъ, Личности. Подобное сравненіе (за которымъ отсылаемъ желающаго къ нашей книгѣ—стр. 302—310) много помогло бы при уясненіи пророчествъ Исаи. Вѣдь, напр. если пр. Захарія, жившій послѣ плѣна, изъясняетъ нѣкоторыя пророчества о Рабѣ Господа въ 40—66 гл. въ приложеніи къ Мессіи (напр. Зах. 12, 10; 13, 7; ср. Ис. 53, 4, 6), то неужели самъ писатель отдѣла Исаи 40—66 гл. умомъ сво-

имъ останавливался только на „идеальномъ“ Израилѣ и совершенно не могъ непосредственно говорить о Мессіи? Авторъ не прибѣгнулъ къ подобному сравненію, и поэтому освѣщеніе „историческаго фона“ пророчествъ о Рабѣ Господа у него получилось весьма одностороннее.

Только при указанныхъ нами условіяхъ возможно вполне удовлетворительно изъяснить „историческій фонъ“ пророчествъ Исаіи 40—66 гл., равно какъ „генезисъ“ ихъ. Если принять во вниманіе всѣ эти условія, то ясно будетъ, что отдѣлъ Исаіи 40—66 гл., есть чудеснѣйшее произведеніе творчества Исаіи, но не чисто естественнаго, а сверхъестественно озареннаго Духомъ Святымъ, къ которому вполне приложимы слова: „Мои мысли—не ваши мысли... говоритъ Господь. Но какъ небо выше земли, такъ... и мысли Мои выше мыслей вашихъ“ (55, 8—9); „Духъ Господа Бога моего на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня“ (Исаіи 61, 4).

Архимандритъ Вагдей.
